

45. Tezyakov N. I. Vrachebno-prodovolstvennye punkty na puti dvizheniya... Trudovaya pomoshch, no. 6, p. 22; Khizhnyakov V. V. Selskie rabochie na rynkakh Khersonskoy gubernii. Zhizn. St. Petersburg, 1900, no. 1, p. 130; Sbornik Khersonskogo zemstva. Kherson, 1899, no. 10, p. 230; Otchet Yekaterinoslavskoy gubernskoy zemskoy uprave... za 1903 god. P. 6; Kudryavtsev P. F. The indicated essay. P. 35.
46. Khizhnyakov V. V. The indicated essay. Pp. 130–131; Otchet Yekaterinoslavskoy zemskoy uprave... za 1903 god. P. 6; ... za 1905 god. P. 6.

УДК 94(47).083:084

ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КОРРЕКТИРОВКА ЗАДАЧ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1926–1928 гг.

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, профессор, Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация, 119192, г. Москва, Мичуринский пр-т, 16, E-mail: info@helri.com

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, Российская Федерация, 119192, г. Москва, Мичуринский пр-т, 16, E-mail: info@helri.com

В статье исследуется влияние перехода к форсированному строительству социализма на постановку и решение задач культурной революции в деревне. Показано, что в 1927 году произошел принципиальный разворот партийной политики. Если до этого времени основной заботой ВКП(б) являлось сближение с середняком, то с 1927–1928 гг. – с беднотой и батрачеством. В итоге, корректировка задач «культурной революции» привела к выдвигению на передний план двух ключевых направлений большевистской политики в деревне. В сфере производственной пропаганды произошел переход от «культурничества» к агрессивной пропаганде коллективизации. В политической сфере, при ограничении приема крестьян в партию, основное внимание сместилось с середняка на бедняка и батрака.

Ключевые слова: большевистская модернизация, культурная революция, крестьянство, шефство города над деревней, середняки, батраки

THE EVOLUTION OF THE PEASANT ECONOMY AND THE ADJUSTMENT PROBLEMS OF THE CULTURAL REVOLUTION IN THE 1926–1928

Turitsyn Igor V., D.Sc. (History), Professor, Research Institute for History, Economics and Law, 16 Michurinsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation, E-mail: info@helri.com

Kholodny Maksim A., Ph.D. (History), Researcher, Research Institute for History, Economics and Law, 16 Michurinsky Ave., Moscow, 119192, Russian Federation, E-mail: info@helri.com

The article examines the impact of the transition to the accelerated construction of socialism in the formulation and solution of problems of the cultural revolution in the countryside. It is shown that in 1927 there was a fundamental reversal of party politics. Before that time, the main concern of the CPSU (b) was closer to the middle peasants, then 1927–1928 – with the poor, and agricultural laborers. As a result, the adjustment problems of the “cultural revolution” led to the fore two key areas of the Bolshevik policy in the countryside. In the area of industrial promotion was a transition from “uplifters” an aggressive propaganda of collectivization. In the political sphere, while limiting the admission of peasants into the party, the focus has shifted from the poor and middle peasants on a farm laborer.

Keywords: Bolshevik modernization, the cultural revolution, the peasantry, the patronage of the city over the countryside, the middle peasants, laborers

Обращаясь к анализу истории большевистской модернизации, исследователи, в целом, признают, что она имела ярко выраженный насильственный характер и ставила целью преодоление российской «культурной отсталости», в том числе, обновление национальной культуры за счет разрушения основ «примитивной» крестьянской цивилизации [4, с. 4]. В основе данного курса лежало глубоко критическое отношение к прошлому, в котором основным представлялось разделение населения «на два совершенно непонимающих друг друга лагеря. В то время, когда, по словам Герцена, на верху стояли люди XIX в., воспринявшие современную культуру, внизу находились люди XV столетия, напоминающие кафров и эфиопов» [12, с. 2].

Курс на новую социалистическую культуру был закреплен многочисленными решениями правящей партии и нашел свое наиболее последовательное выражение в программе «культурной революции». Причем с первых шагов по пути ее реализации в полной мере выяснилась очевидная второсортность крестьянства, подлежащего особенно значительным «переделке» и «перевоспитанию».

В силу своего статуса как труженика, с одной стороны, и как собственника, с другой, крестьянин был серьезно ущемлен в правах и превратился в объект непрерывного «руководящего» воздействия власти. Как следствие, с эпохи военного коммунизма в деревне установилась атмосфера произвола и насилия. Бесправие крестьян, ограничение их прав и возможностей в самых различных областях (в нормах представительства на выборах, в налоговой сфере, в отсутствии социальной защиты и пр.) не исчезло и с переходом к новой экономической политике.

В условиях нэпа власти рассматривали деревню не только как источник налоговых поступлений, но и как объект систематического культурно-преобразующего воздействия «пролетариата». В рамках данного курса получили широкое развитие различного рода практики «шефства» города над деревней, среди

прочего, к примеру, затрагивавшие сферу распространения агротехнических знаний. Так, шефствуя над Домодедовской волостью Московской губернии, коллективы сотрудников газет «Правда» и «Беднота», а также Всероссийского Текстильного Синдиката, в 1925 г. организовали в двух деревнях «показательное кормление молочного скота». Отмечая успех акции, партийные пропагандисты констатировали особое значение такой работы: «Крестьянам было невдомек то простое обстоятельство, что можно при наличии того же самого скота, при меньшей трате того же самого корма добиться существенно отличных результатов. Недоверие к показательному кормлению свота было сломлено третий день, когда коровы в результате только правильного кормления заметно увеличили удои. В течение трех недель опытов коровы-навозницы увеличили удои на 70–80 % против прежнего, себестоимость молока понизилась на 25–30 %» [10, с. 4].

Просветительская политика в полной мере соответствовала базовым партийным установкам, в частности, требованиям резолюции XV конференции ВКП(б) по докладу А. Рыкова о хозяйственном положении страны и задачах партии, отмечавшей, что именно: «Недостаточное развитие сельскохозяйственной культуры, преобладание отсталых форм хозяйства – все это еще служит громадным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства» [1, с. 779]. Причем в ней были однозначно осуждены любые попытки осуществления индустриализации «за счет» крестьянства: «Конференция категорически осуждает взгляды оппозиции о необходимости проведения индустриализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства...» [1, с. 777].

Однако несмотря на усилия власти, шефство города над деревней, повышение «культуры» села приносили скромные результаты. Более того, в условиях «диктатуры пролетариата» усиливалось социокультурное противостояние города и деревни, крестьянских и городских ценностей.

В частности, в деревне прочно утвердились представления о «легкой» и, вместе с тем, «денежной» городской жизни. Как доказывают многочисленные свидетельства, суждения о «дармовых» городских деньгах оказывали существенное влияние на поведение крестьян. К примеру, лишь услышав, что человек прибыл к ним «из города», «деревенские» сразу начинали «ломить цены» (за провоз, постой и пр.). В основе таких реакций лежали устойчивые социокультурные стереотипы о том, что горожане имеют «шальные деньги» («хоть печку топи») [9, с. 10–11].

Пока власти доказывали, что «основной предпосылкой успеха социалистического строительства является упрочение хозяйственной гегемонии крупной социалистической промышленности над всей экономикой страны и в первую очередь ее ведущая и социалистически преобразующая роль по отношению к крестьянскому хозяйству...» [1, с. 774], в деревне формировались устойчивые негативные тенденции. В частности, даже на пике нэпа было ясно, что все более острой проблемой становилось «бегство» крестьян (особенно молодежи) в города: «потому, что хозяйство не оправдывает себя. А вот помочь молодому крестьянину закрепиться в деревне путем поднятии своего хозяйства, – до этого еще не все додумались!». Решение очевидной проблемы виделось в 1926 – начале 1927 г., прежде всего, во всемерном повышении культуры ведения крестьянского хозяйства [5, с. 26]. Пропагандируя примеры успешности данной работы, один из современников, в частности, обращал внимание на опыт вяземских комсомольцев: «Из обследованных 880 комсомольских хозяйств в результате одного года работы (с 1925 по 1926 г.) у трети – утепленные скотные дворы, и лишь 11 % по по-прежнему бесхозяйственно тратят корм. 336 комсомольских хозяйств в 1925 г. сеяло корнеплоды. Клевер водится у половины хозяйств, а вика почта у всех. 281 хозяйство кормит скот жмыхами. 56 % хозяйств комсомольцев в 1925 г. сеяли отсортированными семенами, а в 1926 г. сеяло такими семенами еще 310 хозяйств. Проблема однако состояла в том, что партийные и комсомольские активисты занимались хозяйством неохотно. По данным того же автора, в Московской губернии из 50 тыс. комсомольцев-крестьян только около 5 тыс. являлись самостоятельными хозяевами. Иными словами, «новых» людей крестьянский труд не привлекал [11, с. 40].

О глубине социокультурных трансформаций, связанных с чрезмерной политизацией молодого поколения, в частности, сообщал в письме И. Сталину от имени «орловских крестьян» от 29 апреля 1926 г. некий Чубаров. Характеризуя проблемы деревни, он отмечал: «Меньше надо водить ребят с барабанами, а учить их больше труду, порядку, бережливости, вежливости, человечности и наукам» [13, л. 12]. В этой фразе, как в зеркале, отразились основные проблемы эволюции советской деревни в условиях нэпа, связанные с тем, что в центре внимания властей находились, прежде всего, вопросы «организации» ее жизни.

Насильственная модернизация в решающей степени обеспечивалась созданием слоя прокоммунистических управленцев. В этом, собственно, и состояла одна из главных задач культурной революции в деревне [14]. В рамках политики «Лицом к деревне!» это, в частности, привело к заметному расширению приема крестьян в партию. В 1925–1926 гг. ВКП(б)полнили свыше 100000 крестьян. Как отмечал Э. Квининг: «Такой значительный приток крестьян вполне соответствует указаниям, которые были даны на XIV партийной конференции. Еще тогда было ясно, что в деревне накопился значительный слой крестьянства, который вполне сросся с партией, но который, вследствие существовавших чрезвычайно строгих правил приема, не мог официально оформить свое членство. В целях облегчения доступа в партию для этих крестьян конференция изменяла условия приема, ограничив количество рекомендаций 3 членами партии с двухлетним партийным стажем». Вместе с тем, уже через год с небольшим ситуация принципиально изменилась. Поэтому автор, «поддерживая» решения партии, одновременно подводил ясную черту: «Приемом свыше ста тысяч крестьян мы в известной мере исчерпали тот кадр, который уже вполне был подготовлен к приему в партию». И теперь главной задачей является не прием новых членов, а работа с «беднотой». Причем, хотя: «Проводимый партией лозунг оживления советов втягивает в общественную жизнь села новый, до последнего времени еще нетронутый слой крестьянства и в первую очередь бедноту. Однако, этот слой еще не проверен ... поэтому по отношению к нему и не стоит остро вопрос о немедленном вовлечении его в ряды партии» [8, с. 23].

Так, в 1927 г. произошел принципиальный разворот партийной политики [3]. Если до этого времени, особенно в 1925–1926 гг., основной заботой ВКП(б) объявлялось сближение с середняком, то с 1927–1928 гг. – с беднотой и батрачеством. Ячейкам прямо рекомендовалось активнее работать «в сторону перевоспитания вновь принятых» и «пропустить всех вновь принятых через школы политграмоты», а новых членов из крестьян в партию принимать меньше, причем в основном из бедняков и батраков, которым прежде отказывали в приеме чаще, чем середнякам [8, с. 24].

На этой основе происходила существенная корректировка задач культурной революции. В частности, более важное значение и новые черты стала обретать просветительская работа в деревне профсоюзов.

Под влиянием решений XV съезда ВКП(б) тема «культуроты» среди бедняков и батраков, по сути, стала центральной. Как отмечал один из партийных пропагандистов: «Надо прямо сказать: работе в деревне организации уделяют самое мизерное внимание ... на решающих участках культуроты среди батрачества положение неблагоприятное, несмотря на имеющийся рост этой работы. Ликвидация безграмотности – все еще нерешенная задача: Добрая половина батраков и сельхозрабочих безграмотна. Борьба за грамотность не находит должного отражения в «местных» бюджетах ... задачи ставятся на очень длительную перспективу». Как верно подметил автор, чем больше в регионе было батраков, тем продолжительнее были запланированные сроки ликвидации безграмотности (в Тверской губернии – 6 лет, в Калужской – 10 лет, в Курской – 26 лет) [7, с. 12].

В контексте задачи слома «собственнической психологии» крестьян, особое значение в «культуроте» приобрела борьба с кулаками, участие в которой «деревенской интеллигенции» признавалось обязательным, но явно недостаточным, поскольку «работа деревенского учителя мало смыкается с фронтом борьбы против кулака в деревне. Еще последний недостаток характеризует работу среди медработников, агрономического персонала и, в особенности, совторгслужащих. Это объясняется не столько их перегруженностью служебными обязанностями, сколько часто встречающейся отчужденностью их от основной массы деревенского населения, в особенности – от бедноты и батрачества» [2, с. 13]. Исходя из этого, «в обстановке обострения классовой борьбы в деревне в огромной степени увеличивается значение работы союзов и в частности их культуроты», направленной «на поднятие культурного уровня и классового воспитания батрачества», а также «подготовку и выдвижение сельхозрабочих в советы, в колхозы, в кооперацию, на хозяйственную работу и учебу» [2, с. 14]. Тесно связанные темы формирования нового актива из бедноты, «выдвиженчества» и антикулацкая кампания достигли апогея в связи с переходом к масштабным кампаниям критики и самокритики [15, с. 224].

В новых условиях была существенно скорректирована и постановка вопроса о росте хозяйств коммунистов в деревне. Если в рамках курса «Лицом к деревне!» «культурное значение» таких хозяйств приветствовалось, то с 1927 г. единоличные хозяйства коммунистов фактически ставятся вне закона. Важнейшей составляющей культурной революции в деревне становится коллективизация. Как констатировали теоретики ВКП(б): «Развитие техники несет с собою, с одной стороны, широкое разделение труда, а с другой централизацию. ... Уже в самом росте техники, стало быть, заложено отрицание индивидуализма и постепенный рост социалистических элементов. Создавая Волховстрой, например, мы создаем одну колоссальную электростанцию, которая объединяет огромный промышленный район и целый ряд, десятки, сотни деревень кругом» [6, с. 10–11].

На практике новый курс вызвал актуализацию практики администрирования и вылился в борьбу с «коровым страхом» крестьянина перед грядущим обобществлением.

В целом, корректировка задач «культурной революции» в 1927–1928 гг. привела к выдвиганию на передний план двух ключевых направлений большевистской политики в деревне. В сфере производственной пропаганды произошел переход от «культурничества» к агрессивной пропаганде коллективизации. В политической сфере, при ограничении приема крестьян в партию, основное внимание сместилось с середняка на бедняка и батрака.

Список литературы

1. XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (Б). Стенографический отчет. Москва – Ленинград: Госиздат, 1927.
2. Больше внимания к перевыборам Советов // Культурная революция. 1928. № 3. 20 декабря.
3. Виноградов С. В. От новой экономической политики к «Великому перелому» (рецензия на книгу В. А. Шишкина «Россия в годы “Великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 446–458.
4. Виноградов С. В. От редакции // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. Москва, 2014. С. 4–5.
5. Виноградов С. В. Развитие зернового рынка в годы новой экономической политики: проблемы регулирования и конкуренции (на материалах Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 24–30.
6. Деборин А. Марксизм и культура // Революция и культура. 1927. № 1, 15 ноября.
7. Иконников Н. Культуроты профсоюзов в деревне // Культурная революция. 1928. № 2, 10 декабря.
8. Квинтинг Эр. О приеме крестьян в партию // Деревенский коммунист. 1927. № 1, 10 декабря.
9. Козырев М. Шальные деньги // Лапоть. 1926. № 4 (52).
10. Лебедев Г. Пути развития сельского хозяйства и задачи ячеек // Деревенский коммунист. 1927. № 11 (59), 1 июня.
11. Лин И. С чего начать? // Деревенский коммунист. 1927. № 5–6 (53–54), 15 марта.
12. Наша задача // Революция и просвещение. Воронеж, 1919. № 1, 28 апреля.

13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17, оп. 33, д. 425.
14. Турицын И. В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир, 1998. 140 с.
15. Турицын И. В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. Москва, 1998. 248 с.

References

1. *XV konferentsiya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (B). Stenograficheskiy otchet* [XV conference of the All-Union Communist Party (b). Verbatim report]. Moscow – Leningrad, Gosizdat Publ., 1927.
2. *Bolshe vnimaniya k perevyboram Sovetov* [More attention to the elections to the Soviets]. *Kulturnaya revolyutsiya* [Cultural Revolution], 1928, no. 3, 20 Dec.
3. Vinogradov S. V. *Ot novoy ekonomicheskoy politiki k “Velikomu perelomu”*. Retsenziya na knigu V. A. Shishkina “Rossiya v gody “Velikogo pereloma” v vospriyatii inostrannogo diplomata (1925–1931 gg.)”. [From the new economic policy to “the great turn” (review of the book written by V. A. Shishkin “Russia during the years of “the great turn” in perception of a foreign diplomat (1925–1931)”). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2013, no. 3, pp. 446–458.
4. Vinogradov S. V. *Ot redaktsii* [Editorial]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy]. Moscow, 2014, pp. 4–5.
5. Vinogradov S. V. *Razvitiye zernovogo rynka v gody novoy ekonomicheskoy politiki: problemy regulirovaniya i konkurentsii (na materialakh Povolzhya)* [The grain market development during the new economic policy: problems regulation and competition (on the materials of Volga region)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2015, no. 2, pp. 24–30.
6. Deborin A. *Marksizm i kultura* [Marxism and culture]. *Revolutsiya i kultura* [Revolution and Culture], 1927, no. 1, 15 Nov, pp. 10–11.
7. Ikonnikov N. *Kultrabota profsoyuzov v derevne* [Cultural work of trade unions in the country]. *Kulturnaya revolyutsiya* [Cultural Revolution], 1928, no. 2, 10 Dec.
8. Kviring Er. *O prieme krestyan v partiyu* [Admission peasants in Communist Party]. *Derevenskiy communist* [Village communist], 1927, no. 1, 10 Dec.
9. Kozyrev M. *Shalnye dengi* [Mad Money]. *Lapot* [Sandal], 1926, no. 4 (52), pp. 10–11.
10. Lebedev G. *Puti razvitiya selskogo khozyaystva i zadachi yacheek* [Ways of development of agriculture and the challenges of cells]. *Derevenskiy communist* [Village communist], 1927, no. 11 (59), 1 Jun.
11. Lin I. *S chego nachat?* [Where to start?]. *Derevenskiy communist* [Village communist], 1927, no. 5–6 (53–54), 15 Mar.
12. *Nasha zadacha* [Our task]. *Revolutsiya i prosveshchenie* [Revolution and enlightenment]. Voronezh, 1919, no. 1, 28 April.
13. *Russian State Archive of Socio-Political History*, fund 17, inventory 33, case 425.
14. Turitsyn I. V. *Kadrovaya politika RKP(b) i periodicheskaya pechat (1921–1925 gg.)* [Personnel policy of the RCP (b) and periodicals (1921–1925.)]. Armavir, 1998, 140 p.
15. Turitsyn I. V. *Vlast i pressa v sovetskoj Rossii: problema vzaimootnosheniy i vzaimovliyaniya v 20-e gody* [The power and the press in Soviet Russia: the problem of the relationship and interaction in the 1920s]. Moscow, 1998, 248 p.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД СОВЕТСКИМ ОБЩЕСТВОМ В 1920–1930 гг.

Лихолет Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: oleg.liholet@mail.ru

В статье рассматриваются основные методы осуществления государственного контроля в СССР в 1920–1930 гг. Главным являлся административный метод, который устанавливал правила принятия административных решений и контроля их исполнения на всех уровнях власти, правила подбора управленческих кадров и поддержания у них высокого уровня ответственности и дисциплины. В годы НЭПа, экономический метод был преобладающим в системе государственного контроля. Казалось бы, для экономического развития самостоятельного населения были созданы почти идеальные условия. В то же время, управление этими условиями находилось целиком и полностью в руках государства. Правовой метод контроля над обществом базируется на регулирующей функции юридических норм, определённых государственной властью для различных видов деятельности. Однако с первых дней большевистского режима был провозглашён отказ от буржуазно-демократических принципов правоустановления в пользу правовой системы нового типа – права революционного, обосновывающего гегемонию диктатуры пролетариата. Уже в конце 1920-х гг. репрессивная составляющая становится основой правового метода контроля над советским обществом. Одним из наиболее важных является социально-психологический метод контроля над обществом. В советский период он содержал способы воздействия на сознание человека в целях интеграции в социалистическое общество. Воздействие осуществлялось с помощью СМИ, общественных организаций, наиболее доступных массам населения видов искусства – книг и кино. Особая роль уделялась газетам. Газеты стали главным инструментом формирования общественного мнения, согласованного с задачами, которые ставило советское руководство. Это касалось и общих задач социалистического строительства, и актуальных вопросов обеспечения общественной поддержки конкретных государственных кампаний.